

ДОНСКОЙ АТАМАН М.И. ПЛАТОВ И ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЕ РУССКИМИ АРМИЯМИ В 1812 году

С приближением 200-летнего юбилея Отечественной войны 1812 г. возрастает интерес исследователей к событиям этой трагической и величественной эпохи, происходит пересмотр многих традиционных оценок. В задачу данной статьи входит рассмотрение некоторых из событий войны через призму отношений между российскими генералами.

Как правило, в историографии подобный подход сводится к рассмотрению противостояния двух главнокомандующих (М.Б. Барклай де Толли и кн. П. Багратиона), осложнившего и без того непростую ситуацию, в которой оказались две русские армии во время отступления. Другой известный пример, вылившийся в противоборство: взаимоотношения главнокомандующего кн. М.И. Кутузова и начальника Главного штаба барона Л.Л. Беннигсена. Однако ограничиваться несколькими фигурами было бы неверно уже потому, что за каждым из главнокомандующих стояли генералы, поддерживавшие своего лидера. Кроме того, существовали и другие группировки генералов, формировавшиеся по различным принципам (гвардия – армия, русские – иностранцы на русской службе и т.д.). Свидетельства о генеральских группировках крайне скучны и противоречивы, мы узнаем о них преимущественно из переписки и мемуаров современников – источников субъективных, а порой и крайне тенденциозных. Впрочем, об одной группировке генералов, объединенных общностью происхождения и принадлежностью к казачьему сообществу, можно говорить вполне определенно. Речь идет о генералитете Войска Донского, представлявшем собой замкнутую корпорацию во главе с войсковым атаманом генералом от кавалерии М.И. Платовым.

В эпоху войн России с наполеоновской Францией донской атаман Платов занимал среди русских генералов заметное место. Он был одним из старейших среди них по службе: чин генерал-майора ему был пожалован за отличие в русско-турецкой войне 1787–1791 гг. Как войсковой атаман, Платов управлял одной из плодороднейших областей России, по сути являясь генерал-губернатором. По части внутреннего управления ему подчинялись все донские полки, а их было немало – только на войну с Наполеоном Войско Донское выставило 67 полков. У него были обширные связи в столицах, он пользовался расположением вдовствующей императрицы Марии Федоровны и ее окружения. Будучи формальным и неформальным лидером донского казачества, Платов подчеркнуто выражал свою преданность императорскому престолу, правительство было заинтересовано в таком атамане, обеспечивавшем стабильность на Дону и верную службу казачьих полков. Донское казачество воспринимало его как национального лидера, для правительства он был успешным управляющим неспокойным регионом. Совокупность этих факторов позволяла донскому атаману вести себя достаточно независимо по отношению к главнокомандующим армиями. Он являлся региональным лидером, находившимся в русской армии со своими полками. Казачьи полки были достаточно обособлены: их сводили в отдельные отряды, и они действовали достаточно независимо от регулярной армии, выполняя свои специфические задачи, прежде всего службу в авангарде/арьергарде.

В начале XIX в. донские казаки составляли треть русской кавалерии. Во время нахождения в действующей армии казачьи полки подчинялись непосредственному армейскому командованию, но по внутренней части они оставались в зависимости

* Сапожников Александр Иванович, кандидат исторических наук, заведующий отделом газет Российской национальной библиотеки.

от войскового атамана. Сам Платов в 1812 г. командовал наиболее крупным казачьим отрядом, который из уважения к чину полного генерала называли корпусом. Полковые командиры и в целом офицерский корпус Войска Донского, в значительной степени им сформированный, были преданы атаману.

В связи с этим возникает закономерный вопрос: какое место занимали полки Войска Донского в русской армии? 24 июня 1814 г., спустя 3 месяца после победоносного вступления союзной армии в Париж, Барклай де Толли направил Платову письмо с благодарностью Войску Донскому за отличие в войнах 1812–1814 гг.: «В то незабвенное время, когда непобедимое воинство Русское спасало Отечество свое от руки сильного врага, на низложение его устремлявшегося, в то самое время воинство Донское, Вашим Сиятельством предводительствуемое, прославило себя новыми и бесчисленными доводами приверженности ко Всеавгустейшему монарху и усердия к пользе общей... Наконец, когда победоносные войска всемилостивейшего к нам и сострадательного к нещастию других народов государя нашего, изгнав с лица земли своей все силы вражьи, обращены были на освобождение от ига его чужих земель, полки Донские, сподвигаясь им повсюду, достойно разделяли с ними славу защитников Германии, избавителей самой Франции и восстановителей мира в Европе»¹. Из текста видно, что Барклай де Толли воспринимал Войско Донское как некую обособленную часть русских войск (скорее, как сподвижника или даже союзника, а не как структурную часть своей армии).

Подтверждает это и известный инцидент с письмом донского генерал-майора И.К. Краснова, о котором рассказали в своих мемуарах А.П. Ермолов и Д.В. Давыдов. Этот генерал был ближайшим сподвижником атамана. Вызывая его в армию, Платов писал: «Вы мой соотечественник; надеюсь иметь в Вас и доброго помощника»². Краснов сначала командовал бригадой в казачьем корпусе, потом получил самостоятельный отряд, который спустя несколько дней подчинили генерал-майору И.Г. Шевичу. Краснов, получивший генеральский чин раньше, счел себя обиженным и пожаловался атаману: «Признаюсь откровенно и чистосердечно, ежели я служу, то единственно для приверженности к особе Вашей. Милости, кои Вы сделали для меня, без пощады да прольют кровь мою до последней капли. Мне не нужны ни чины, ни другие награды; лишь бы служба моя соответствовала желанию вашему; быть же посрамленным противу чуждых, ей, не могу»³ (выделено Б.М. Колюбакиным при публикации документа. – А.С.). Оказывается, донской генерал считал генералитет русской армии чуждым. Платов имел неосторожность переслать это письмо начальнику штаба 1-й армии Ермолову, который сумел поставить на место донских генералов, что видно из его приписки-комментария: «Генерала Платова просил я узнать от генерала Краснова, называющего русских чуждыми, с какого времени почтает он Войско Донское союзным, а не подданным Российского императора? От генерала Платова не было на сие ответа»⁴. Эти настроения донского генералитета, а также офицерского корпуса и казаков, необходимо учитывать при рассмотрении отношений атамана с главнокомандующими.

Как известно, при вторжении в Россию Наполеон воспользовался разрозненным положением двух русских армий и вклинил между ними корпус маршала Л.Н. Даву. Русские армии оказались разъединены сильной группировкой противника, быстро про-двигавшейся на восток и препятствовавшей их объединению. От 1-й армии Барклая де Толли оказались отрезаны корпус Платова и отряд И.С. Дорохова, сначала безуспешно пытавшиеся воссоединиться с нею, а затем примкнувшие ко 2-й армии кн. Багратиона, вместе с которой отступали до Смоленска. Действия отряда Дорохова стали причиной недоразумения между Платовым и Багратионом, в ходе которого атаман позволил себе одернуть главнокомандующего. Это нарушение военной субординации, правда не вышедшее за рамки личной переписки, заслуживает более подробного рассмотрения, поскольку закончилось отправкой казачьего корпуса из 2-й армии по инициативе ее командования.

23 июня 1812 г. Платов со своим корпусом стоял лагерем у с. Бакшты. Казачьи разъезды донесли ему, что севернее, в Воложине, находится неприятель, почему Пла-

тов собирался вечером следующего дня выступить из Бакшт на юг, в Николаев, и там переправиться через Неман. Армия Багратиона находилась еще южнее, двигаясь на Несвиж. Вечером 23 июня гусары из отряда Дорохова, находившегося неподалеку, доставили Платову записку, в которой сообщалось, что он собирается двигаться из м. Камень на Воложин, т.е. на север, для соединения с 1-й армией⁵. Платов переслал полученную записку к князю Багратиону и обещал дождаться возвращения курьера с решением главнокомандующего⁶. Ситуация была туманная: Платов не понимал рискованного движения отряда Дорохова к захваченному противником Воложину. Утром 24 июня он получил письмо Багратиона, написанное еще накануне. В нем сообщалось, что 2-я армия, переправившись через Неман в Николаеве, отступает на юго-восток по маршруту Кореличи–Мир–Несвиж. Багратион предложил Платову присоединиться к нему, для чего оставил 2 отряда для охраны мостов через Неман в Николаеве и Колодзине, и предупредил, что в полдень оба моста будут уничтожены⁷. Атаман решил, не дожидаясь возвращения курьера, последовать за 2-й армией, поскольку времени до уничтожения мостов оставалось немного.

Однако Багратион, получив записку Дорохова, решил, что противник отступил из Воложина. Теперь он попросил Платова вместе с Дороховым занять Воложин и удерживать до 26 июня⁸. Но казачий корпус уже двигался в противоположном от Воложина направлении. Багратион, узнав об этом, был разгневан и написал Платову: «Чрезвычайно жалею, что Ваше Высокопревосходительство, быв так близко к г. Дорохову и видев его положение со всех сторон не столь выгодное, оставили его, так сказать, жертвою. Мне остается теперь только просить Вас, милостивый государь мой, чтобы Вы из усердия к службе государя императора и любви к Отечеству поддержали Дорохова, дав ему способы соединиться с Вами»⁹. Платов, тем не менее, переправился в Николаеве через Неман, сжег мост и последовал на Столбцы и далее на Кайданов. Получив от князя Багратиона гневное предписание, Платов не сдержался. Он отправил Багратиону рапорт, в котором разъяснил, что 24 июня неприятель находился не далее мили от Бакшт, двигаясь в Воложин через болото по дороге, проходимой только в зимнее время, было невозможно. К рапорту было приложено личное письмо, гораздо более показательное для характеристики отношений Багратиона и Платова. В нем Платов по-отечески укорял более молодого главнокомандующего, с которым поддерживал дружеские отношения: «Не ожидал я от Вашего Сиятельства таких для меня неприятностей, какие изъяснили Вы ко мне вчерашнего дня в предписании Вашем за № 374-м, что я оставил Дорохова на жертву и напоминаете мне пользу государя и Отечества; позвольте мне Вам доложить не из сердца, а из сокрушения моего, я оное наблюдаю и усердствую службою мою сорок два года». Далее Платов просил Багратиона «приказать Вашему письмоводителю, чтобы он не писал таких колких и выговорных речей, кои я вижу в 374-м номере»¹⁰. Делать подобные замечания главнокомандующему обычный генерал вряд ли бы решился, но атаман мог себе это позволить.

История с неудачным движением отряда Дорохова на Воложин так и осталась до конца непроясненной, биографы генералов продолжают спорить по этому поводу, в то время как разгадка содержится в рапорте Дорохова князю Багратиону: «И когда не мог переправиться ни в Сморгони, ни в Вилейке, решил склонить мой путь на Воложин. А как неприятель был гораздо меня превосходнее, то я и отступил до mestечка Каменя, ища соединения с Вашим Сиятельством, где и получил на посланный мой рапорт *повеление Вашего Сиятельства за № 151-м, чтоб удержать mestечко Воложин до 23-го числа* (выделено мной. – A.C.), куда Вы и сами прибыть были намерены; почему я и двинулся вперед к Воложину и нашел неприятеля в селении Яцковичах, из коего он был выбит, и я оное занял, где и имел ежедневную перестрелку с неприятелем до 24-го числа»¹¹. Оказывается, движение отряда Дорохова от Каменя к Воложину произошло вследствие полученного приказа от главнокомандующего 2-й армией. 22 июня Багратион еще надеялся пробиться к 1-й армии через Воложин, но уже 23 июня Платов сообщил ему о занятии города противником. Очевидно, что приказ Дорохову был отправлен еще до получения этого сообщения.

Багратион счел за лучшее примириться со своим равным атаманом, сделав это также в личном письме: «Сию минуту получил письмо Ваше и более оскорбился, нежели Вы могли огорчиться отношению моему. Я Вас могу уверить мою честию, что нету на свете человека, который бы мог меня с Вами поссорить... Дабы доказать Вам, что не имею к Вам досады, а благодарность, Вы можете прислать ко мне мое отношение обратно, где Вы думаете, что я неудовольствие Вам писал»¹². Во всем оказался виноват письмоводитель, и благодаря дипломатичности Багратиона инцидент был улажен, но не забыт.

Об этом свидетельствует письмо начальника штаба 2-й армии генерал-адъютанта гр. Э. Сен-При императору от 28 июня: «Из Слуцка князь Багратион может отправить корпус Платова к Вашему Величеству, если это будет вам угодно, тем более, что этот корпус принадлежит к составу первой армии, где он может принести гораздо более пользы, нежели у нас. Чин атамана (son rang) представляет неудобства, и при том для нас довольно тех казачьих полков, которые причислены ко второй армии, имея в виду числительную нашу силу»¹³. В личном письме Сен-При директору Особой канцелярии Барклай де Толли А.А. Закревскому по поводу атамана сказано более откровенно: «Мы идем на Слуцк и успели, однако, дать пощечину полякам: 3-м уланским полкам, которые пожаловали к нам из Новогрудка вслед за нами. Платов их жестоко проучил и разбил их одними казаками в прах. Начало хорошее, дай Бог и вперед... Освободите нас, пожалуйста, от Платова, который барин слишком большой, чтоб быть здесь полезным. Пусть он со своим корпусом к вам пристанет»¹⁴.

Эти письма Сен-При написаны после славной казачьей победы в бою при Мире, где Платов проявил себя как блестящий казачий военачальник: он сумел создать подавляющее преимущество на поле сражения и разгромил передовые полки неприятельского авангарда. Вряд ли гр. Сен-При посмел обратиться с подобной просьбой за спиной главнокомандующего, безусловно, она была с ним согласована. Командование 2-й армии было готово расстаться с казачьим корпусом, доставившим армии первую победу, лишь бы не иметь в своих рядах своего равного атамана. Очень показательно, что собираясь дать сражение при Салтановке, Багратион на почтовых донгах Платова, следовавшего с корпусом в 1-ю армию, и лично уговорил задержаться еще на день. С атаманом было трудно, но без казачьего корпуса не обойтись.

Под Смоленском казачий корпус Платова присоединился к 1-й армии. Присоединение казачьих полков было долгожданным событием: от самой границы армия Барклай де Толли отступала, не имея у себя казаков, признанных мастеров аванпостной службы, и полки регулярной кавалерии были изнурены. Платов привел с собой 15 полков, однако необходимости в значительном казачьем корпусе не было: требовалась небольшие отдельные отряды для службы в арьергарде и на аванпостах. 20 июня Барклай де Толли приказал Платову отправить в различные командировки сразу 6 полков¹⁵. Этой вынужденной мерой он спровоцировал конфликт с атаманом, который помнил как во время русско-турецкой войны 1787–1791 гг. Барклай де Толли служил под его командой. Платов подал сразу 3 рапорта¹⁶. В одном из них он требовал, чтобы под его командой состоял более многочисленный корпус, соответственно чину. После раскомандировки полков у атамана остались 6 донских и 1 татарский полк, как он писал, «меньше большого отряда»¹⁷. Барклай де Толли пришлось уступить, он пообещал Платову, что 5 полков вскоре вернутся в казачий корпус¹⁸. Одновременно главнокомандующий решил удалить атамана из армии и сделал это весьма двулично, что никак не согласуется с устоявшимся в историографии образом Барклай де Толли как прямолинейного и чуждого интриг генерала. Если Багратион использовал в своих целях переписку графа Сен-При, то Барклай де Толли сам подписывал весьма противоречивые документы.

Платов был любим казаками, преданность которых российскому престолу не стоило подвергать испытаниям в столь трудное время. Барклай де Толли, не побоявшийся выдворить из армии цесаревича Константина Павловича, не решился поступить подобным образом с донским атаманом. Последнего он отправил из армии с гораздо большим тактом и осторожностью, предварительно заручившись согласием императора.

22 июня он написал 2 письма, настолько противоречавшие друг другу, что их автора впопы признать «двуликим Янусом». Первое из них было адресовано Платову, в нем главнокомандующий просил представить список отличившихся донских офицеров и уведомил атамана, какую награду просит для него: «Прошу Вас, милостивый государь мой, предоставить мне список отличившихся, дабы я мог им доставить должное награждение. Что касается до Вашего Высокопревосходительства, то скажу Вам, что я для Вас прошу графское достоинство; я с нетерпеливостью жду список отличившихся, ибо мне приятно будет отдать Вашим храбрым казакам справедливость»¹⁹.

Из личного письма Барклай де Толли императору, написанного в тот же день, видно, каким странным образом он просил графский титул для атамана: «Генерал Платов в качестве командующего иррегулярными войсками облечен слишком высоким званием, которому не соответствует по недостатку благородства характера. Он эгоист и сделался крайним сибаритом. Его казаки, будучи действительно храбрецами, под его начальством не отвечают тому, чем они должны были бы быть. Доказательством служит его движение на присоединение к 1-й армии. Были переходы, когда он, не имея против себя неприятеля, делал только от 10 до 15 верст. При этих обстоятельствах было бы счастьем для армии, если бы Ваше Императорское Величество соблаговолили найти благовидный предлог, чтобы удалить его из нее. Таковым могло бы быть формирование новых войск на Дону или набор полков на Кавказе с пожалованием ему титула графа, к чему он стремится больше всего на свете. Его бездеятельность такова, что мне приходится постоянно держать одного из моих адъютантов при нем или на его аванпостах, чтобы добиться исполнения предписанного. Государь, я осмеливаюсь просить Вас о принятии этой меры, потому что она сделалась безусловно необходимой для блага службы. В то же время я считаю долгом донести Вам, государь, что отношения мои с князем Багратионом наилучшие»²⁰. Вероятно, Багратион был солидарен с такой оценкой донского атамана, поскольку письмо было написано после первой встречи двух главнокомандующих в Смоленске, носившей дружеский характер. Если гр. Сен-При назвал Платова по-русски «барином», то Барклай де Толли сделал это по-французски – «сибарит», что в принципе одно и тоже. Совпадение удивительное и, очевидно, неслучайное.

В ре скрипте от 28 июня Александр I согласился вызвать Платова в Москву для обсуждения вопросов, связанных с формированием новых казачьих полков на Дону²¹. Барклай де Толли получил ре скрипт в первые дни августа, но еще 2 недели выжидал. Именно в эти дни, при оставлении Смоленска, атаман бросил ему в лицо: «Я не надену больше русского мундира, ибо носить его теперь позорно»²². Недоброжелателей у Барклай де Толли было много, но только цесаревич Константин Павлович и донской атаман могли позволить себе говорить подобные вещи ему в лицо. Хладнокровный Барклай де Толли во время этой бурной сцены сдержался, он хотел, чтобы отправка атамана из армии была воспринята не как сведение личных счетов, а как вынужденная мера.

Когда русская армия отступила за Днепр, Барклай де Толли поручил Платову командовать арьергардом. Возможно, он надеялся, что атаману, как и прежде в боях под Миром и Романовым, будет сопутствовать удача. Но ситуация в арьергарде теперь была принципиально иной: противник двигался плотными массами пехоты при поддержке артиллерии буквально по пятам русской армии, и для устройства казачьих засад не было необходимого пространства. Во главе арьергарда нужен был генерал, имевший опыт командования регулярными, прежде всего егерскими полками. Более неподходящую кандидатуру на этот пост, нежели казачий атаман, найти было трудно. Платов прокомандовал арьергардом всего лишь 10 дней, успев показать, что не умеет руководить егерскими полками. Однако и после этого выдворить его из армии главнокомандующему удалось только с большим трудом.

14 августа русская армия должна была совершить переход от д. Семлево к Вязьме, но Багратион сумел убедить Барклай де Толли дать дневной отдык утомленным войскам. Очевидно, что следовало сразу же уведомить Платова и усилить арьергард, но

этого сделано не было. Платов узнал о дневке основных сил только в 3 часа дня, когда подошел с арьергардом к армии. Рассчитывая на дальнейшее отступление армии, он оставил прикрывать отход всего 2 сотни казаков под командой есаула М.И. Пантелеева из Атаманского полка. Регулярные полки арьергарда были отправлены к Семлево, но оказалось, что там по-прежнему стоит вся армия, и им пришлось срочно искать подходящую позицию. О сложившейся ситуации Платов сообщил А.Г. Ермолову: «Уведомление Вашего Превосходительства за № 466 я получил, что армия остановилась в Семлеве и располагается там пробыть и завтрашний день: сие меня удивило, ибо неприятеля веду я перестрелкой на плечах, который авангардом своим прошел уже Славково, откуда я послал сего утра к Вам уведомление. Я теперь ретириуюсь перестрелкой и буду примерно от Славково в 8 верстах, у моста и находящегося болота по обеим сторонам удерживать неприятеля всячески, ежели он не собьет меня своими орудиями и не навалится большими колоннами пехоты. В случае же его усиления приужден буду отступить еще 8 верст, чтобы сблизиться к генерал-лейтенанту Уварову верст за 5, и тут, может быть, не удержу ли неприятеля, тем более, что приходить будет к тому времени и вечер. Но ежели Вы сего вечера с армией из Семлева не выступите, то я не отвечаю за завтрашнее утро, чтобы не привести к Вам неприятеля весьма близко, ибо мне нечего будет делать, потому что неприятель идет одной большой дорогой с великими силами. И потому я и прошу доложить главнокомандующему, что весьма нужно было армии выступить сего вечера, дабы прибыть утром к Вязьме»²³. К вечеру 14 августа арьергард вплотную приблизился к основным силам армии, и тогда Барклай де Толли наконец-то решился отстранить Платова от командования.

Даже в сложившейся ситуации отправка донского атамана из армии обставлялась как новое почетное назначение, о чем свидетельствует рапорт главнокомандующего императору: «По Высочайшей Вашего Императорского Величества воле атаман Войска Донского генерал от кавалерии Платов отправляется в С[анкт]-Петербург. Расставаясь с ним как с одним из благоденствнейших помощников моих, я не могу умолчать пред Вами, Всемилостивейший государь, о тех новых к пользе и славе Отечества подвигах, кои во все продолжение настоящей кампании являл он на каждом шагу. Его примерная храбрость, благоразумные распоряжения и отличное в делах военных искусств обес печивали все движения наши, удерживали превосходнейшего силами неприятеля и тем успокаивали целые армии. Я не могу определить цены заслугам его, но приемлю смелость всеподданнейше донести, что они по всей истине достойны тех отличных воздаяний, коими от Монарших Вашего Императорского Величества щедрот украшаются блистающие доблестями среди верных слуг Ваших и бесстрашных защитников Отечества»²⁴.

Не менее красноречиво было и предписание Барклай де Толли Платову покинуть армию: «Полученный с последним курьером на имя Вашего Высокопревосходительства Высочайший собственноручный ре скрипт, я имею честь у сего к Вам препроводить. Государю императору благоугодно было удостоить меня уведомления о содержании оного. Мне весьма приятно, с одной стороны, видеть, что Августейший монарх наш, неусыпно пекущийся о благе Отечества, призывает ныне Вас к престолу своему для важного совещания о спасении общем, но с сим вместе не могу скрыть крайнего сожаления, что с отделением Вас от армии лишаюсь я такого помощника, коего примерная храбрость, благоразумные распоряжения и отличное в делах военных искусств, являясь на каждом шагу во всем совершенстве, обеспечивали до сего времени все движения наши, удерживали быстрое стремление превосходнейшего в силах неприятеля и, следовательно, успокаивали целые армии. Я, конечно, решился бы на принятие смелости убеждать государя императора о позволении остаться Вам здесь по-прежнему, но зная важность цели, для кой Вы призываешьесь, ограничиваю изложением пред Его Императорским Величеством в полной мере признательности моей к заслугам Вашим, и ходатайством о достойном воздаянии оным. Уверенный в уважении Всемилостивейшего монарха к представлениям моим, я смело предваряю Ваше Высокопревосходительство, что прибытие Ваше в столице встречено будет дарованием Вам того титула,

коим отличаются заслуги и достоинства, подобные Вашим. Я с нетерпением ожидаю будущего Вашего о сем приятнейшем для меня событии»²⁵.

Некоторые историки расценили эти документы как свидетельства уважения, которое Барклай де Толли испытывал к Платову. Однако цитированное выше личное письмо от 22 июня говорит об отсутствии подобных чувств у главнокомандующего, в данном случае мы имеем дело с официальной перепиской, предназначеннной скрасить негативные последствия, которые могли последовать в связи с удалением атамана из армии. Только в 1-й и 2-й армиях находились около 20 донских полков, с такой значительной военной силой, готовой поддержать своего лидера, приходилось считаться.

Предписание Барклая де Толли Платов получил только спустя 3 дня, утром 18 августа. До этого события развивались так, как будто предписания не существовало. 15 августа Платов получил выговор за сближение арьергарда к армии²⁶ и дал серьезный бой противнику у с. Рыбки. В тот день Платов писал начальнику штаба 1-й армии Ермолову: «Я Вашему Превосходительству настоящее и подробно объяснить не могу о случившемся жестоком нынешний день сражении у селения Рыбки при речке Осьме, с 11-го часу поутру до шестого часа пополудни, при самом вечере окончившемся, а скажу только то, что оно уступает одной только баталии кровопролитной... Я поспешил только о том дать знать, что неприятель силен, и не знаю, что будет завтра с моим авангардом»²⁷. Платов переживал за судьбу своего немногочисленного арьергарда, составленного из 8 казачьих, 1 гусарского, 4 егерских полков, полуроты батарейной и роты донской артиллерии²⁸. Кроме того, для подкрепления арьергарда Барклай де Толли оставил 1-й и 2-й кавалерийские корпуса, но они в сражении 15 августа задействованы не были. Следующий день прошел более спокойно, в прикрытии отступления армии опять участвовали только казачьи полки: атаман или не умел командовать егерскими полками, или же заботился об их сохранении.

Вопрос об отправке Платова из армии окончательно решился только 17 августа. К армии ехал новый главнокомандующий князь М.И. Кутузов. В армии об этом знали, первый рапорт Барклая де Толли Кутузову датирован 15 августа, когда тот еще находился в пути. Повстречав выдворенного из армии генерала Л.Л. Беннигсена, новый главнокомандующий взял его с собой. У Платова же появился шанс остаться в армии, если это сочтет нужным новый главнокомандующий. Кутузов прибыл к армии, находившейся у Царево-Займища, в 3 часа дня 17 августа. Платов и его ближайший сподвижник генерал-майор Г.В. Розен, судя по их переписке, трактовали события так, что атаман продолжал в этот день командовать арьергардом²⁹. Однако сохранился приказ генерала П.П. Коновницына командиру правофлангового отряда полковнику К.А. Крейцу, написанный в 8 часов утра 17 августа, в котором он сообщал, что принял командование арьергардом «по случаю болезни Платова (выделено мной. – А.С.)»³⁰. То, что утром 17 августа в командование арьергардом вступил Коновницын, подтверждает и распоряжение Барклая де Толли Ермолову от 17 августа³¹. Причем Коновницын прибыл в арьергард во главе своей 3-й пехотной дивизии, считавшейся в армии образцовой.

Вероятно, Барклай де Толли тревожил вопрос: как поведут себя донские казаки? Он послал принимать командование генерала Коновницына с целой дивизией, превосходившей прежний арьергард по численности и качеству войск. Конечно, этот факт можно объяснить тем, что неприятельская армия в очередной раз подступила вплотную. Отстранение Платова от командования, совершенно несвоевременное, придавало происходившему дополнительную остроту.

17 августа командующим арьергардом стал Коновницын, хотя бы уже потому, что под его командой находилось больше войск. Удивительно, но Платов только утром следующего дня получил предписание об отъезде. Будучи умудренным опытом человеком, он специально подчеркнул данное обстоятельство в рапорте Барклай де Толли: «По Высочайшей Его Императорского Величества воле и по предписанию Вашего Высокопревосходительства, сего числа, в 10 часов пополудни (выделено мной. – А.С.) мною полученному, хотя я и слаб здоровьем, поспешил отправиться к Его Величеству

в Москву» (выделено мной. – A.C.)³². В этом рапорте удивляют 3 обстоятельства: предписание от 14 августа получено только утром 18-го; рапорт подан Барклаю де Толли, а не Кутузову; Платов направлялся в Москву, в то время как император находился в Петербурге. Проехать из арьергарда в Москву, минуя Главную квартиру, атаман не мог, она находилась на его пути. Безусловно, произошла встреча Платова с новым главнокомандующим, с которым они были знакомы со временем Очакова и покорения Крыма. Последний раз перед этим их жизненные пути пересеклись в 1809 г. в армии генерал-фельдмаршала кн. А.А. Прозоровского: тогда Кутузов был выслан из армии, а атаман занял его место – ближайшего помощника главнокомандующего. Возможно, именно по этой причине Кутузов не стал своей властью отменять устаревший вызов в Москву, а отправил туда атамана буквально на один день.

Подтверждение тому, что именно Кутузов принял окончательное решение об отъезде Платова в Москву, содержится в мемуарах майора 1-го егерского полка М.М. Петрова, служившего в арьергарде: «Кажется, для того чтобы ввести Наполеона в решительность идти прямо в Москву и завоевать Россию покорением ее в одну кампанию, как он завоевал другие державы европейские и Египет, поручен был арьергард нашей армии атаману Платову, который, давая ежедневно безрасчетные сражения, отступал до села Семлева, пред которым *новый главнокомандующий Кутузов без всякой церемонии сменил его* (выделено мной. – A.C.) умным, образованным героем генерал-лейтенантом Коновницыным, колотившим французов на каждом удобном месте способами военно-го любомудрия, достойными изучения нашего ремесла людьми»³³.

Поездка Платова в Москву была краткой: уже вечером 25 августа он вернулся к армии и по приказу Кутузова принял командование казачьим корпусом накануне Бородинского сражения. Кутузов потом не раз пожалел о разрешении атаману вернуться в армию. Даже во время генерального сражения, когда решалась судьба России, Платов не смог поступиться своим старшинством и не согласился поступить под команду младшего по чину генерала. Речь идет о рейде русской кавалерии на Бородинском поле, получившем известность, только благодаря противнику, русское командование оценило его крайне негативно. В действительности это весьма показательный пример того, насколько отрицательно споры о старшинстве между генералами отражались на ходе военных действий.

В день Бородинского сражения корпус Платова находился на правом фланге русской армии. О том, как развивались события, наиболее подробно рассказано в мемуарах участника рейда офицера-квартирмейстера К. Клаузевица, состоявшего в свите генерал-лейтенанта Ф.П. Уварова. Ранним утром казаки Платова отыскали брод через реку Колочу, открыв тем самым возможность выхода в тыл противнику. Атаман послал к главнокомандующему полковнику принца Эрнста Гессен-Филипстальского, состоявшего в его свите, с сообщением о найденном броде и предложением провести рейд. Прибыв в Главную квартиру, принц передал предложение Платова генерал-квартирмейстеру К.Ф. Толю, тот горячо поддержал идею, но, докладывая Кутузову, почему-то предложил послать в рейд 1-й кавалерийский корпус. Командующий этим корпусом генерал Уваров в тот момент находился рядом с главнокомандующим. Далее У Клаузевица следует примечательная фраза: «Принц Гессенский предложил провести корпус через брод к решительному пункту»³⁴.

Возможность проведения рейда, вероятно, вскружила головы в Главной квартире. Решив послать для его выполнения регулярную кавалерию, предоставив возможность отличиться любимому генерал-адъютанту императора, совсем забыли, что там уже находится старший по чину генерал, предложивший саму идею. Остроту ситуации придает то обстоятельство, что офицер из свиты атамана вызвался провести к броду, найденному казаками, другой корпус. В сложившейся ситуации Платова следовало отозвать в Главную квартиру или поручить ему командование совместными действиями корпусов. Ни того, ни другого сделано не было. Состоявший при Главной квартире офицер-квартирмейстер Н.Н. Муравьев позже вспоминал: «Кутузов отказал Платову в командовании в самое время сражения; способности же Уварова, который после

Платова оставался старшим, довольно известны. Он расположил свою конницу подле леса, занятого неприятельской пехотой и потерял много людей без всякой пользы»³⁵.

Главнокомандующий обязан быть хорошим психологом, предугадывать межличностные коллизии, которые могут последовать в результате принятого им решения. Тем более, когда речь идет о генералах, для которых повышенное честолюбие является нормой. Встреча Платова и Уварова у брода, отысканного казаками, и состоявшийся между ними разговор, очевидно, были не из приятных. В дальнейшем атаман изображал ход рейда так, как будто 1-й кавалерийский корпус находился под его командой. Уваров в своих рапортах, напротив, ни словом не обмолвился о Платове. В том, что рейд русской кавалерии не увенчался успехом, виноват, прежде всего, главнокомандующий, но он приложил все усилия к тому, чтобы виновником был выставлен Платов. Не случайно Ермолов писал, что Кутузов мстил атаману «низким и тайным образом»³⁶.

С этим можно согласиться: именно в Главной квартире появилась версия о неподобающем поведении Платова в тот день и даже нетрезвом состоянии. Мемуарных свидетельств на этот счет несколько, все они происходят от офицеров Главной квартиры, причем один из них (А.И. Михайловский-Данилевский) сослался на слова, услышанные непосредственно от Кутузова³⁷. Следует подчеркнуть, что ни один из них не был участником рейда, они лишь пересказали то, что слышали в Главной квартире. Имеется единственный документ за подписью Кутузова, в котором дана оценка рейда. Это рапорт императору от 22 ноября: «Генерал-лейтенант Уваров по усердию своему к службе Вашего Величества, сколько ни желал в сражении 26 августа при Бородине что-либо важное предпринять с порученным ему корпусом, но не мог совершить того, как бы ему желалось, потому что казаки, кои вместе с кавалерийским корпусом должны были действовать и без коих не можно было ему приступить к делу, в сей день, так сказать, *не действовали* (выделено мной. – А.С.)»³⁸. Спустя 2 месяца, в феврале 1813 г., в Главную квартиру прибыл Платов, и вопрос о наградах за Бородинское сражение был поднят вновь. Вероятно, он имел разговор с Кутузовым по этому поводу, после чего обиженный атаман подал записку, в которой изложил доводы в свою защиту: «Из слов Ваших насчет сражения 26-го августа под Бородиным вижу, что я в виду моего государя и Отечества, в успехах оного дня не участвующим, тогда когда был столько счастлив, что удалось моей атакой заставить Наполеона удержать от части его быстрое стремление на левый фланг нашей армии, и когда же еще тогда, когда неприятель имел полную на оном пункте поверхность, он вынужден был отдать большую часть кавалерии противу меня, дабы остановить успех моей атаки. Я атаковал с малым числом без всякого меня подкрепления, *ибо казакам участвовать предстояло затруднение* (выделено мной. – А.С.), как Вам и самим известно, сбив батарею, опрокинул неприятельскую конницу, которой большая часть истреблена была, преследовал так, что неприятель на левом своем фланге пришел в совершенное расстройство и вынужден был как наипоспешнее притянуть часть войска с своего правого фланга, дабы опять устроить оный пункт. Сим обстоятельством была весьма облегчена наша вторая армия; все же сие происходило в виду обеих сторон сражающихся армий. Еще же доказательством то, что в вечеру, когда сражение кончилось, я имел счастливую минуту, в нашем ремесле ни с чем несравнимую, когда подъехав к Вам, слез с лошади, Ваша светлость как начальствующий всеми армиями, обняв меня, отдали изустно справедливость, благодарили, проговоря, что я Вам много помог в сем жестоком сражении. Сие также происходило при его светлости принце Виртембергском, множестве генералов, всей Вашей свите и прочих штаб и обер-офицерах»³⁹. Очевидно, что Платов был согласен с Кутузовым, что казаки в тот день активно не действовали. Но при этом он описал рейд так, как будто 1-й кавалерийский корпус, сбивший батарею, находился под его командой. Более того, атаман явно поражен лицемерием главнокомандующего, который вечером на поле сражения обнимал и благодарил его, а затем выставил в негативном свете, в том числе и путем распространения слухов.

В отечественной историографии более четверти века, с 1812 по 1839 гг., участие корпуса Платова в рейде русской кавалерии на Бородинском поле замалчивалось. Клас-

сический пример – описание Бородинского сражения, составленное К.Ф. Толем, ближайшим сподвижником Кутузова. В нем сказано, что главнокомандующий приказал совершить рейд корпусам Платова и Уварова, но затем почему-то описываются только действия последнего⁴⁰. Аналогично описан рейд в книге Д.П. Бутурлина⁴¹. Так и остались бы казаки корпуса Платова для потомков бездействующими участниками Бородинского сражения, если бы не мемуарные свидетельства офицеров наполеоновской армии и труды иностранных историков. В 1827 г. в Париже вышла в свет книга А. Жомини «Политическая и военная жизнь Наполеона, рассказанная им самим трибуналу в составе Цезаря, Александра, Фридриха». В ней изложение ведется от лица Наполеона, в уста которого Жомини вложил следующую оценку рейда русской кавалерии на Бородинском поле: «Вскоре я узнал, что движение это было не что иное, как простая кавалерийская атака, произведенная корпусом Уварова против бригады Орнано и дивизии Дельзона, который принял русских в каре и уничтожил их. Однако же это обстоятельство задержало нас в бездействии более часу и неприятель воспользовался этим временем, чтобы утвердиться в своей новой позиции: эта остановка много содействовала неудаче сражения». К этому абзацу имеется авторское примечание: «Кроме трех тысяч отборной кавалерии корпуса Уварова, стояли еще правее от 5 до 6 тысяч казаков Платова, которых мы сочли за пехоту»⁴². Жомини, безусловно, опирался на рассказы очевидцев событий из числа ветеранов армии Наполеона, в том числе на опубликованные к тому времени мемуары Ф. Сегюра, Ч. Ложье де Белькура, Е. Лабома, А. Фэна. Издание мемуаров последнего из них сопровождалось картой Бородинского сражения, на которой были указаны районы действий корпусов Уварова и Платова, причем последний зашел глубже в тыл противника⁴³. В 1835 г. в Берлине в посмертном издании сочинений Клаузевица вышел его труд о войнах 1812–1814 гг., в котором достаточно подробно описан рейд русской кавалерии на Бородинском поле, непосредственным участником которого он был⁴⁴. Оценку он ему дал невысокую, однако подробно описал действия не только 1-го кавалерийского корпуса Уварова, но и казачьего корпуса Платова.

Под влиянием иностранной историографии отрицать участие корпуса Платова в рейде для русских историков стало невозможно, даже учитывая негативную оценку Кутузова. В 1839 г. вышло «Описание Отечественной войны в 1812 году» А.И. Михайловского-Данилевского, где была изложена официальная трактовка военных событий. В этой книге впервые утверждалось: «Действия Платова и Уварова имели на участь сражения влияние чрезвычайно важное, вполне оправдавшее ожидания князя Кутузова»⁴⁵. В конце ХХ в., когда историки обратились к первоисточникам, а точнее к мемуарам офицеров, состоявших в Главной квартире, активное участие в рейде казачьего корпуса вновь стало предметом дискуссии. Вероятно, следует развести действия этих двух корпусов, не имевших единого командования и дать оценку каждому из них. При этом необходимо учесть, что на синхронные документы и мемуары, а также на историографию в первые 2 десятилетия по окончании войны очень сильно повлияли личные взаимоотношения русских генералов, прежде всего Кутузова, Платова и Уварова.

Французские генералы заметили появление у себя в тылу корпуса Платова, который не действовал активно и был скрыт кустарником. При этом у них возникло подозрение о присутствии там русской пехоты, появление которой в тылу могло иметь решительные последствия. Эти сомнения стали причиной приостановки активных действий: командованию противника потребовалось время, чтобы оценить обстановку. Таким образом, имел место достаточно известный тактический прием – демонстрация, но в данном случае он не был задуман, а сложился вследствие обстоятельств⁴⁶.

Результат разрозненных действий корпусов можно оценить следующим образом: корпус Уварова совершил не вполне удачный рейд, действия корпуса Платова свелись к тактической демонстрации. Но оказалось, что последняя произвела большее влияние на французское командование, нежели кавалерийские атаки Уварова на пехотные каре. Ответственность за отсутствие более решительного результата несет Кутузов: отправив 2 корпуса в обход левого фланга противника, он не назначил единого коман-

дующего всей операцией, тем самым был нарушен основной армейский принцип единонаучания. Платов претендовал на эту роль постфактум, во время рейда Уваров явно ему не подчинялся. Однако на результатах Бородинского сражения даже разрозненные действия корпусов оказались самым благоприятным образом: пока Наполеон и Богарне проясняли обстановку на левом фланге, русская армия получила возможность перегруппировать свои силы.

Кутузов свел счеты с Платовым по сценарию, уже апробированному его предшественником: он назначил атамана командовать арьергардом. Казачий корпус при поддержке 1.5 тыс. егерей должен был остановить победоносное шествие 4 кавалерийских корпусов И. Мюраты и пехотной дивизии Ф.М. Дюфура, воодушевленных отступлением русских сил. 27 августа Платов еще смог удержать Можайск, но уже на следующий день был выбит из города превосходящими силами противника. Арьергард вплотную приблизился к армии, их отделяли всего 3 версты. Чтобы спасти положение, Кутузов отправил в арьергард для принятия командования генерал-лейтенанта Н.Н. Раевского. Но его приезд туда не имел результата: Платов подчинил его себе, на следующий день Раевский сказался больным и покинул арьергард⁴⁷. После этого Кутузов назначил командовать арьергардом генерала от инфантерии М.А. Милорадовича, который прибыл туда во главе 2 егерских и 4 пехотных полков и взял командование в свои руки. Платов был отозван в Главную квартиру, по словам очевидца, он «маялся и горевал отчаянно»⁴⁸.

В этот период произошло то, чего так опасался Барклай де Толли: после отъезда атамана в Главную квартиру большинство командиров донских полков оказались больными, в их отсутствие действия казаков стали менее активными. Командование попыталось опереться на преданных престолу старших офицеров лейб-гвардии Казачьего полка: генерал-майора графа В.В. Орлова-Денисова и полковника И.И. Ефремова, получивших в свою команду казачьи отряды. Однако и они не смогли преодолеть скрытый саботаж со стороны полковых командиров. С.И. Маевский, исполнявший обязанности дежурного штаб-офицера в авангарде Милорадовича, утверждал, что в те дни, во время одного из арьергардных боев, произошел следующий инцидент: «Генерал Панчулидзев, которому следовало занять противоположную сторону и открыть неприятеля, несмотря на множество приказаний, не трогался с места и не внимал никаким повелениям. Генерал Уваров, посланный разбудить Панчулидзева, прилетев назад, с азартом жаловался, что его казаки не слушают, что он раскрывал шинель, показывал ордена и уверял всех, что он генерал-адъютант; но что все сие не мало не помогло, и что линия казаков осталась там же, где она и была»⁴⁹. Генерал-адъютант Уваров командовал всей кавалерией русской армии, но казаки ему не подчинились, они ждали приказов своих командиров.

17 сентября, в день арьергардного боя при д. Чириково, Кутузов был вынужден обратиться к Платову с официальным запросом: «Известился я, будто командиры полков Войска Донского при армии заболели почти все. Таковое известие не могло меня не оскорбить, и я обращаюсь к Вашему Высокопревосходительству с просьбою уведомить меня в откровенности без отлагательства о причине странного сего случая. Хотя, правда, и не даю я оному полной веры, ибо теперешнее положение нашего Отечества одно весьма сильно возбудит каждого из нас преодолевать всякие трудности и самой жизни не щадить, о чем я излишним даже считаю напомнить Вам. Впрочем, если известие, ко мне дошедшее, справедливо, что все полковые командиры заболели, в таком разе я обязан буду довести о сем до сведения государя императора, между тем не упущу и мер принять, какие Высочайшая власть представляет мне по долгу службы»⁵⁰. Платов находился при Главной квартире, но на запрос главнокомандующего ответил только спустя 2 дня рапортом, в котором подчеркнул, что он отстранен от командования: «Примите истинное мое перед Вами оправдание: первое то, что я не командую ими, второе, что я по одним слухам знаю, кто в какой части находится. Полки казачьи ко мне не относятся рапортами и никто не дает знать, куда какой полк определен, и под чьим командованием – я не сведом»⁵¹.

В результате этого выяснения отношений Платов добился своего – Кутузову пришлось вернуть ему командование казачьими полками. 21 сентября английский представитель при Главной квартире генерал Р. Вильсон писал Александру I: «Князь Кутузов согласился дать генералу Платову соответствующую команду. Мера сия восстановит атаманово здоровье, которое действительно снедалось уязвленным чувством, и, я уверен, сие будет иметь для службы Вашего Величества блистательные и полезные следствия»⁵². 23 сентября уже Кутузов сообщил императору о своем намерении дать Платову корпус из 10–12 полков донского ополчения, прибытие которых ожидалось через неделю, для действий на коммуникации неприятеля⁵³. С возвращением Платова был восстановлен порядок в управлении казачьими полками. Уже 2 октября приказом по армии казачьим полкам и войсковому атаману была объявлена благодарность⁵⁴. Конфликт между Кутузовым и Платовым был уложен, благодаря чему последующие действия донских полков во время преследования армии Наполеона до границ России были достаточно активны.

Донской атаман оказался неудобной фигурой для главнокомандующих русскими армиями в 1812 г. Однако попытки удалить его из армии ни к чему не привели: за Платовым, безусловным лидером казачества в ту эпоху, стояли донские полки, командиры которых прибегли к пассивной форме протеста. Кутузову пришлось смириться с пребыванием своеенравного генерала в армии, но во время преследования французов он постоянно подталкивал престарелого атамана к большей активности⁵⁵. Непростые отношения между атаманом и главнокомандующими оказались не только на ходе военных действий, их освещении в синхронных документах и мемуарах, они также отразились и на последующей оценке в исторических трудах. Примечательно, что разобраться в хитросплетении генеральских взаимоотношений, восстановить действительный ход событий, порой удается только с помощью источников иностранного происхождения: бывший противник в некоторых случаях оказался более объективен, нежели отечественные историки, послушно следовавшие предложенной главнокомандующими трактовке событий.

Примечания

¹ Цит. по: *Смирной Н.Ф. Жизнь и подвиги графа М.И. Платова. Ч. 3. М., 1821. С. 79–82.*

² Жизнь и военные подвиги войска Донского генерал-майора Ивана Кузмича Краснова 1-го // *Русский вестник. 1817. № 3–4. С. 17.*

³ Письмо И.К. Краснова М.И. Платову от 15 августа 1812 г. // *Колюбакин Б.М. Война 1812 г. Бородинская операция и Бородинское сражение. Кн. 1. СПб., 1912. С. 267.*

⁴ /Ермолов А.П./ *Записки Алексея Петровича Ермолова. Ч. 1. М., 1862. Приложения. С. 206–207.*

⁵ Рапорт М.И. Платова П.И. Багратиону от 24 июня 1812 г. // *1812–1814: Секретная переписка генерала П.И. Багратиона. Личные письма генерала Н.Н. Раевского. Записки генерала М.С. Воронцова. Дневники офицеров Русской армии: Из собрания Государственного исторического музея. М., 1992. С. 50–51.*

⁶ Записка М.И. Платова П.И. Багратиону от 23 июня 1812 г. // *Там же. С. 50.*

⁷ Письмо П.И. Багратиона М.И. Платову от 23 июня 1812 г. // *Там же.*

⁸ Письмо П.И. Багратиона М.И. Платову от 24 июня 1812 г. // *Донские казаки в 1812 году. Ростов н/Д, 1954. С. 79.*

⁹ Письмо П.И. Багратиона М.И. Платову от 24 июня 1812 г. // *1812–1814... С. 52.*

¹⁰ Письмо М.И. Платова П.И. Багратиону от 25 июня 1812 г. // *Иностранцев М. Отечественная война 1812 г. Операции 2-й Западной армии князя Багратиона от начала войны до Смоленска. СПб., 1914. С. 445.*

¹¹ Рапорт И.С. Дорохова П.И. Багратиону от 11 июля 1812 г. // *1812–1814... С. 115.*

¹² Письмо П.И. Багратиона М.И. Платову от 26 июня 1812 г. // *Иностранцев М. Указ. соч. С. 448–449.*

¹³ *Русский архив. 1875. Кн. 3. С. 196.*

¹⁴ Письмо Э. Сен-При А.А. Закревскому от 28 июня 1812 г. (РГИА, ф. 660, оп. 1, д. 131, л. 26).

¹⁵ Предписание М.Б. Барклая де Толли М.И. Платову от 20 июля 1812 г. // Донские казаки в 1812 году. С. 138–139.

¹⁶ Рапорты М.И. Платова М.Б. Барклаю де Толли от 20 июля 1812 г. № 96, № 97, № 98 // Отечественная война 1812 года: Материалы Военно-ученого архива Главного штаба (далее – Материалы ВУА). Т. XIV. СПб., 1911. С. 181–184.

¹⁷ Рапорт М.И. Платова М.Б. Барклаю де Толли от 20 июля 1812 г. № 97 // Там же. С. 182–183.

¹⁸ Предписание М.Б. Барклая де Толли М.И. Платову от 21 июля 1812 г., № 582 // Донские казаки в 1812 году. С. 141.

¹⁹ Письмо М.Б. Барклая де Толли М.И. Платову // Военный сборник. 1906. № 1. С. 205.

²⁰ Письмо М.Б. Барклая де Толли императору Александру I от 22 июля 1812 г. // Харкевич В.И. Барклай де Толли в Отечественную войну после соединения армий под Смоленском. СПб., 1904. С. 11.

²¹ Рескрипт императора Александра I М.Б. Барклаю де Толли от 28 июля 1812 г. (ОР РНБ, ф. 859, к. 28, № 8, л. 75 об).

²² Wilson R. Narrative of events during the invasion of Russia by Napoleon Bonaparte. L., 1860. P. 114–115.

²³ Письмо М.И. Платова А.П. Ермолову от 14 августа 1812 г. // Ермолов А.П. Указ. соч. С. 205–206.

²⁴ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Вып. 16. Пг., 1917. С. 380.

²⁵ Колюбакин Б.М. Указ. соч. Кн. 3. СПб., 1912. С. 242.

²⁶ Письмо М.И. Платова А.П. Ермолову от 16 августа 1812 г. // Ермолов А.П. Указ. соч. С. 207.

²⁷ Письмо М.И. Платова А.П. Ермолову от 15 августа 1812 г. // Там же.

²⁸ Колюбакин Б.М. Указ. соч. Кн. 3. С. 245.

²⁹ Там же. Кн. 1. С. 67; Письмо М.И. Платова Г.В. Розену от 19 сентября 1812 г. (ОПИ ГИМ, ф. 6, оп.1, д. 79, л. 42).

³⁰ Приказ П.П. Коновницына К.А. Крейцу от 17 августа 1812 г. (ОР РНБ. Ф. XVII, 106/9, л. 73).

³¹ Колюбакин Б.М. Указ. соч. Кн. 3. С. 18.

³² Рапорт М.И. Платова М.Б. Барклаю де Толли от 18 августа 1812 г. // Ермолов А.П. Указ. соч. С. 198.

³³ Петров М.М. Рассказы служившего в 1-м егерском полку полковника Михаила Петрова о военной службе и жизни своей и трех родных братьев его, зачавшейся с 1789 года // 1812 год: Воспоминания воинов русской армии. М., 1991. С. 179.

³⁴ Клаузевиц К. 1812 год. М., 1937. С. 105–106.

³⁵ Записки Н.Н. Муравьева-Карского // Русский архив. 1885. № 10. С. 249–250.

³⁶ Ермолов А.П. Характеристика полководцев 1812 года // Родина. 1994. № 1. С. 60.

³⁷ Михайловский-Данилевский А.И. Записки: 1812 год // Исторический вестник. 1890. № 10. С. 154; он же. Из воспоминаний Михайловского-Данилевского: Путешествие с императором Александром I по Южной России в 1818 г. // Русская старина. 1897. № 8. С. 349; Муравьев-Карский Н.Н. Записки // Русский архив. 1885. № 10. С. 257; Щербинин А.А. Мои записки о кампании 1812 года // Харкевич В.И. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вып. 1. Вильна, 1900. С. 22.

³⁸ Рапорт М.И. Кутузова императору Александру I от 22 ноября 1812 г. // М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. 4. Ч. 1. М., 1954. С. 219.

³⁹ Сапожников А.И. Записка атамана М.И. Платова о Бородинском сражении // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Бородино, 1999. С. 171–177.

⁴⁰ Толь К.Ф. Описание битвы при селе Бородине. СПб., 1839. С. 33, 41.

⁴¹ Бутургин Д.П. История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году. Ч. 1. СПб., 1823. С. 290.

⁴² См. русский перевод: Жомини А. Политическая и военная жизнь Наполеона. Ч. 5. СПб., 1840. С. 345.

⁴³ Fain A. Manuscrit de mil huit cent douze, contenant le précis des événemens de cette année, pour servir à l'histoire de l'empereur Napoléon. Т. 2. Paris, 1827. P. 31–33.

⁴⁴ Clausewitz C. Der Feldzug von 1812 in Russland, der Feldzug von 1813 bis zum Waffenstillstand und der Feldzug von 1814 in Frankreich. Berlin, 1835. S. 151–158.

⁴⁵ Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны в 1812 году. Ч. 2. СПб., 1839. С. 257.

⁴⁶ Из воспоминаний Д.Н. Болотовского // *Харкевич В.И.* 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вып. 1. С. 226–238. Эта записка русского генерала представляет собой мини-исследование, навеянное Жомини и основанное на свидетельствах генералов неприятельской армии.

⁴⁷ *Семенищева Е.В.* Боевые действия русской армии после Бородинского сражения в записке генерал-майора Г.В. Розена // *Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы.* Можайск, 2000. С. 236.

⁴⁸ Письмо Х.П. Кирсанова А.И. Михайловскому-Данилевскому от 1 июня 1836 г. (РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 3465, ч. 2, л. 257 об).

⁴⁹ *Маевский С.И.* Мой век, или История генерала Маевского // *Русская старина.* 1873. № 8. С. 146.

⁵⁰ Предписание М.И. Кутузова М.И. Платову от 17 сентября 1812 г. // М.И. Кутузов. Т. 4. Ч. 1. С. 317–318.

⁵¹ Материалы ВУА. Т. XXI. СПб., 1914. С. 296. Показательно, что это письмо атамана в канцелярии главнокомандующего хранили среди секретных бумаг.

⁵² *Вильсон Р.-Т.* Дневник и письма 1812–1813 гг. СПб., 1995. С. 155.

⁵³ Записка М.И. Кутузова от 23 сентября 1812 г. // М.И. Кутузов. Т. 4. Ч. 1. С. 374.

⁵⁴ Приказ М.И. Кутузова по армиям // Там же. С. 426.

⁵⁵ См. подробнее: *Сапожников А.И.* О действиях корпуса Платова в октябре–декабре 1812 г. // Проблемы изучения Отечественной войны 1812 года: Материалы Всероссийской научной конференции. Саратов, 2002. С. 142–149.

© 2011 г. Л.В. МЕЛЬНИКОВА *

«КИЕВСКАЯ КАЗАТЧИНА» И ПРАВОСЛАВНОЕ ДУХОВЕНСТВО В ГОДЫ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ. К ВОПРОСУ О КРЕСТЬЯНСКИХ ВОЛНЕНИЯХ В КИЕВСКОЙ ГУБЕРНИИ

Весной 1855 г. в связи с созывом государственного подвижного ополчения в некоторых губерниях Российской империи вспыхнули крестьянские волнения, сопровождавшиеся предъявлением священникам требований о проведении массовых записей на военную службу, что, по мнению восставших, должно было сопровождаться освобождением их от крепостной зависимости и наделением землей. Самым крупным и своеобразным эпизодом развернувшейся борьбы было движение в Киевской губ., где в исторической памяти народа воинская служба и вольная жизнь ассоциировались с казачеством. С легкой руки современников эти события вошли в историю под названием «Киевской казачины».

Несмотря на то что дореволюционные и советские исследователи (как русские, так и украинские) неоднократно обращались к изучению данного явления, непростое участие в нем православного духовенства не получило в историографии достаточной разработки и осмысления. Как правило, исследователи сосредоточивали основное внимание на действиях крестьян. Дореволюционные историки М.Н. Ясинский¹ и И.И. Игнатович², последовательно излагая фактическую сторону событий, признали антикрепостнический характер крестьянских выступлений, подчеркивая при этом патриотические настроения крестьян и их верность престолу. С. Томашевский³ и А. Добровольский⁴ видели в крестьянском движении 1855 г. проявление тенденции к украинскому сепаратизму и восстановлению казацкого строя.

* Мельникова Любовь Владимировна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.

Статья написана при поддержке РГНФ, проект № 10-01-00532а/П.